

Понамарева А.М.¹, 2020

Концепция «ядерного нуля» как «зомби-категория» мировой политики

Аннотация. В статье выявляются политические мотивы выдвижения президентом США Б. Обамой в 2009 г. инициативы, направленной на полный запрет ядерного оружия и ликвидацию имеющихся арсеналов, а также оцениваются перспективы возвращения темы «ядерного нуля» в современную международную повестку. Освещаются предпосылки и история возникновения данной идеи, ее развитие в период холодной войны и окончательное оформление в 2000-е годы. Автор утверждает, что, раскручивая идею «ядерного нуля», американская администрация в ходе переговоров о ДСНВ-III стремилась добиться более глубоких сокращений и подтолкнуть Москву к включению ТЯО в сферу охвата этого договора. На основе анализа «Обзора ядерной политики» Минобороны США (2010) и стратегической концепции НАТО «Активное участие, современная оборона» (2010) доказывается, что, иницилируя дискуссию о продвижении к безъядерному миру, США стремились закрепить свое подавляющее военное превосходство в сфере высокоточного обычного оружия и обесценить ядерные потенциалы других членов «ядерного клуба» через радикальное ядерное разоружение и строительство глобальной американской системы ПРО. Однако сегодня, в период обострения российско-американских отношений и кризиса системы контроля над вооружениями,

---

¹ Понамарева Анастасия Михайловна – кандидат социологических наук, старший научный сотрудник ИНИОН РАН (amr1982@mail.ru).

концепция «ядерного нуля» превратилась в своеобразную «зомби-кате­горию» мировой политики – пустое понятие, все еще продолжающее воз­действовать на наше мышление, хотя обозначаемая им социальная ре­альность канула в Лету.

Ключевые слова: международный режим нераспространения ядерного оружия, «ядерный нуль», контроль над вооружениями, ДНЯО, ДВЗЯИ, ДЗЯО, Б. Обама.

В октябре 2006 г. на площадке Гуверовского института войны, революции и мира (Калифорния, США) была проведена конфе­ренция в честь 20-й годовщины встречи в Рейкьявике между гене­ральным секретарем СССР М.С. Горбачевым и президентом США Рональдом Рейганом. В далеком 1986 г. этот саммит, на котором не было заключено ни одного соглашения, сочли провальным, но по мере преодоления «аберрации близости» встреча в Рейкьявике бы­ла признана поворотным пунктом в советско-американской гонке вооружений. Именно тогда лидеры двух государств впервые пред­метно обсудили широкий круг вопросов, связанных с сокращением ядерных сил, и эта встреча заложила основу для заключения Дого­вора о ликвидации ракет средней и меньшей дальности (ДРСМД) и Договора о сокращении и ограничении стратегических наступательных вооружений (ДСНВ-I). Декларируемая цель организаторов конференции 2006 г. (состоявшейся всего несколько дней спустя после проведения Северной Кореей первого ядерного испытания¹) заключалась в том, чтобы вдохнуть жизнь в оставшуюся лишь в тексте стенограмм встречи в Рейкьявике идею Рейгана и Горбачева о мире, свободном от ядерного оружия.

Самым важным результатом мероприятия Гуверовского ин­ститута стала опубликованная в «Wall Street Journal» 4 января 2007 г. статья «Мир без ядерного оружия». Ее авторы – Джордж Шульц, Генри Киссинджер, Уильям Перри и Сэм Нанн – призвали ядер­ные державы начать процесс полной и необратимой ликвидации ядерных вооружений и предложили «дорожную карту» движения к безъядерному миру. Она предусматривала: изменение принци­

---

¹ 10 февраля 2005 г. КНДР впервые открыто заявила о создании в стране ядерного оружия. 9 октября 2006 г. был произведен первый ядерный взрыв.

пов боевого дежурства стратегических ядерных сил (СЯС); уничтожение тактического ядерного оружия (ТЯО); повсеместную ратификацию Договора о всеобъемлющем запрещении ядерных испытаний (ДВЗЯИ); повышение безопасности систем хранения расщепляющихся материалов; постановку под международный контроль замкнутого ядерного топливного цикла (ЯТЦ) [World free., 2007]. Нетривиальный союз двух республиканцев и двух демократов достаточно быстро окрестили «бандой четырех» и «четырьмя всадниками Апокалипсиса» – ярлыки, достаточно четко отражающие представление ряда экспертов о том, что стратегическая стабильность базируется на концепции ядерного сдерживания.

Тем не менее на протяжении последующих двух лет институциональная база безъядерного движения только укреплялась. Гарвардский университет и Международный институт безопасности (Вашингтон) запустили в 2007–2008 гг. проекты изучения возможности построения «безъядерного мира». Американские эксперты популяризировали опыт стран, добровольно отказавшихся от ЯО: ЮАР и Казахстана [Фененко, 2015]. В 2007 г. был создан Международный люксембургский форум по предотвращению ядерной катастрофы. В наблюдательный совет организации вошли такие видные политики и общественные деятели, как бывший генеральный директор Международного агентства по атомной энергии Ханс Бликс, вице-президент фонда «Инициатива по снижению ядерной угрозы» Дес Браун, президент Пагуошского движения ученых, бывший заместитель Генерального секретаря ООН по проблемам разоружения Джаянта Дханапала, президент Российского совета по международным делам И.С. Иванов, а также сами Г. Киссинджер, У. Перри, С. Нанн и т.д. В феврале 2008 г. в Осло прошла международная конференция с участием делегаций из 128 государств, которую эксперты расценили как репетицию будущего форума в поддержку всеобщего ядерного разоружения, а в декабре 2008 г. состоялась учредительная конференция нового движения «Глобальный ноль» (*англ.* «Global Zero») [Фененко, 2012].

Показательно, что примерно две трети бывших американских госсекретарей, министров обороны и советников по национальной безопасности выразили общую поддержку призыву

Шульца и соавторов. Поддержал его и новый президент США Барак Обама. Комментируя этот сдвиг в настроениях политической элиты США, У. Перри любил повторять цитату из В. Гюго: «Все армии мира не смогут справиться с идеей, время которой пришло» (цит. по: [Таубман, 2016]).

Возникает вопрос, какими соображениями руководствовались американский президент и известные американские «ястребы», стряхивая пыль забвения, казалось бы, с мертворожденной идеи (ведь ЯО нельзя «изобрести обратно»)? И возможно ли возвращение темы «ядерного нуля», раскручивавшейся в период «перезагрузки» отношений России и США, в сегодняшнюю международную повестку дня, когда только ленивый политолог не высказался на тему «новой» холодной войны?

«Попытка номер пять»

Представляется, что действия администрации Б. Обамы и логика развития современного дискурса «ядерного нуля» станут понятнее, если расширить хронологические рамки рассмотрения темы и обратить внимание на цикличность выдвигания инициатив построения «безъядерного мира».

Первая попытка инициировать переговоры о ликвидации ЯО была предпринята сразу после бомбардировок Хиросимы и Нагасаки. В декабре 1945 г. на Московском совещании министров иностранных дел представители США, СССР и Великобритании договорились о создании Комиссии ООН по атомной энергии. В январе 1946 г. Генеральная Ассамблея ООН приняла резолюцию, содержащую предложение комиссии выработать планы по изъятию атомных боезарядов из-под национального контроля и по установлению международного контроля над атомной энергией. Резолюция была поддержана лидерами СССР и США. Вашингтон рассчитывал воспрепятствовать появлению ядерного оружия у СССР, Москва – ликвидировать американскую атомную монополию и выиграть время для создания собственного ядерного боезаряда [Нарышкина, 2017].

Второй раз тема полного ядерного разоружения «всплыла» в конце 1960-х годов в ходе разработки текста Договора о нераспро-

странении ядерного оружия (ДНЯО). Неядерные державы были согласны присоединиться к этому договору только при условии, что старая «ядерная пятерка» будет двигаться по пути ядерного разоружения. В сентябре 1967 г. делегация Египта при поддержке Мексики предложила внести соответствующую статью в текст ДНЯО. 18 января 1968 г. СССР и США согласились включить ее в документ. По условиям этой статьи (ДНЯО, ст. 6) ядерные державы обязались «в духе доброй воли вести переговоры об эффективных мерах по прекращению гонки ядерных вооружений в ближайшем будущем и ядерному разоружению, а также о договоре о всеобщем и полном разоружении под строгим и эффективным международным контролем» [Договор о нераспространении..., 1968]. Принятие ст. 6 изменило характер дискуссий о ядерном разоружении. СССР и США начали переговоры об ограничении гонки вооружений и сокращении стратегических наступательных вооружений (СНВ) ради сохранения режима нераспространения, которые завершились подписанием договорных комплексов ОСВ-1 (1972) и ОСВ-2 (1979).

Третья попытка начать переговоры о перспективах ядерного разоружения состоялась в середине 1980-х годов. На съездах КПСС 1976 и 1977 гг. была утверждена «Программа мира», предполагавшая движение к полной ликвидации ОМУ, включая ЯО. А в 1982 г. СССР взял на себя официальные обязательства ни при каких обстоятельствах не использовать ЯО первым. В 1986 г. новый генсек ЦК КПСС М.С. Горбачев (1985–1991) выдвинул инициативу по ликвидации ЯО к 2000 г. Предлагался трехэтапный план: 1) уничтожение РСМД и сокращение стратегических ядерных арсеналов на 50%; 2) ликвидация тактического ЯО; 3) уничтожение всех оставшихся боеголовок. Это предложение советская сторона рассчитывала сделать повесткой для возобновления прерванных в 1983 г. Женевских переговоров о «евроракетах» и об ограничении и сокращении стратегических вооружений. Инициатива СССР была критически воспринята в США. В Белом доме опасались, что Москва хочет закрепить свое превосходство в обычных вооружениях и постарается выгнать американцев из Евразии. На саммите в Рейкьявике Рональд Рейган отказался от советского предложения, и

стороны лишь обозначили готовность идти по пути ограничения гонки вооружений и сокращения ЯО [Фененко, 2009 а].

Четвертая – неочевидная – попытка ядерного разоружения связана со встречей президента США Дж. Буша-ст. (1989–1992) и М.С. Горбачева на Мальте 3 декабря 1989 г. Тогда Горбачев предложил подписать Договор о запрещении производства расщепляющихся материалов (ДЗПРМ). На встрече У. Клинтона и Б.Н. Ельцина в Ванкувере 3–4 апреля 1993 г. Соединенные Штаты подтвердили свою заинтересованность в этом проекте. Эксперты по-разному объясняют возродившийся интерес к ДЗПРМ. Переговоры по ДЗПРМ должны были стать демонстрацией стремления сверхдержав выполнять условия статьи 6 Договора о нераспространении ядерного оружия на предстоявшей в 1995 г. нью-йоркской конференции по его бессрочному продлению. При этом Россия видела в ДЗПРМ инструмент ограничения американского «возвратного потенциала», а Вашингтон – способ ограничить российские возможности по производству ЯО [Фененко, 2009 а].

Таким образом, мы видим, что в основе всех попыток продвинуться к безъядерному миру неизменно лежало стремление одной из сверхдержав добиться стратегического превосходства над оппонентом.

Дорога, вымощенная благами намерениями

Хотелось бы изначально обратить внимание читателя на то, что в середине 2000-х годов инициативу «ядерного нуля» активно продвигали Уильям Перри, Джордж Шульц, Сэм Нанн, а также шеф Пентагона в администрациях Р. Никсона и Дж. Форда Джеймс Шлезингер, т.е. те же самые люди, которые в 2009 г. готовили доклад Комиссии Перри – Шлезингера, а в 2010 г. работали над «Обзором ядерной политики» (*англ.* Nuclear Posture Review, NPR-2010), где констатировалась необходимость достижения состояния абсолютной безопасности для США и незаменимость ЯО в этом контексте.

Комиссия Перри – Шлезингера должна была дать оценку долгосрочной стратегии США в связи с терактами 11 сентября, в том числе – в области контроля над вооружениями. Из доклада,

представленного комиссией, становится ясно, какому именно соглашению должна была расчистить дорогу инициатива «ядерного нуля». Эксперты комиссии пришли к выводу, что Соединенным Штатам следует «открыто провозгласить свое намерение понизить зависимость от ядерного оружия и поэтапно договариваться с Россией о сокращении ядерных арсеналов» в контексте работы над соглашением, которое придет на смену ДСНВ-I. При этом в докладе подчеркивалось, что, «работая над сокращением ядерных арсеналов и препятствуя распространению ядерного оружия, США необходимо на должном уровне поддерживать свои ядерные силы сдерживания» [Спецкомиссия., 2009].

В NPR-2010 отмечалось, что налаживание стратегического партнерства с Россией, наличие у США самого мощного в мире арсенала высокоточных систем неядерного оружия и успешная реализация программы развертывания системы ПРО создают условия для снижения роли ядерного оружия в обеспечении национальной безопасности страны [Nuclear posture., 2010]. Обзор NPR-2010 отражал стремление американской администрации последовательно трансформировать «стратегическое ядерное сдерживание» в «стратегическое неядерное сдерживание». И хотя ядерный арсенал по-прежнему позиционировался в качестве важнейшего элемента обеспечения национальной безопасности США, в Вашингтоне осознали, что, выступая с разоруженческой инициативой, американская сторона в будущем сможет обеспечить свое глобальное военное превосходство на основе обычных высокотехнологичных вооружений [Карякин, 2010].

Призыв Б. Обамы к ядерному разоружению позволил возобновить прерванные в 2002 г. российско-американские переговоры о контроле над вооружениями. В апреле 2009 г. на встрече в Лондоне президенты Б. Обама и Д.А. Медведев договорились начать переговоры о подписании нового договора СНВ вместо ДСНВ-I, срок действия которого истекал в декабре 2009 г. Предполагалось, что в новом договоре будет предусмотрено дальнейшее понижение потолков вооружений по сравнению с Договором о сокращении стратегических наступательных потенциалов (ДСНП, 2002). В апреле 2009 г. Россия и США начали консультации по этой проблеме.

Тем не менее проекты значительного сокращения ЯО вызывали определенное недоверие в России, и президент Дмитрий Медведев выдвинул три условия, на которых Москва была готова продолжать переговоры. Он предложил США отказаться от проектов вывода в космос ударных боевых систем, ограничить развертывание систем ПРО и прекратить совершенствование высокоточного оружия. Поскольку эти условия не были выполнены, российские аналитики резонно сочли, что под видом инициатив о ядерном разоружении Вашингтон добивается односторонних преимуществ. Инициатива не получила дальнейшего развития, однако Москва смогла избежать зачисления в ряды оппонентов «ядерного нуля» и сохранить лицо в ситуации, когда Пекин и Лондон заявили о готовности поддержать призыв Б. Обамы к достижению столь благородной цели [Сараджанян, 2010].

НАТО: двуликий Янус ядерной политики

С учетом того, что НАТО всегда была одним из инструментов внешней политики США, целесообразно проанализировать ядерную стратегию Североатлантического альянса того периода.

19 ноября 2010 г. на саммите в Лиссабоне главы государств и правительств стран НАТО утвердили новую стратегическую концепцию Альянса. В документе, названном «Активное участие, современная оборона», были сформулированы три фундаментальные задачи Североатлантического альянса: коллективная оборона; кризисное урегулирование; безопасность на основе сотрудничества. Отмечалось, что, «в то время как мир меняется, основная миссия НАТО остается неизменной: обеспечить сохранение Альянса в качестве не имеющего аналогов сообщества свободы, мира, безопасности и общих ценностей» [Active engagement., 2010]. В основу данной стратегии были положены военно-политические установки предыдущей стратегической концепции¹. Таким образом, утвер-

---

¹ В частности, подтверждалось, что военный потенциал и в дальнейшем будет подкреплять право НАТО предотвращать и разрешать конфликты путем проведения операций, не предусмотренных ст. 5 Вашингтонского договора, предполагающей коллективную самооборону.

жденный на Лиссабонском саммите документ в целом не содержал внутренних противоречий.

Однако если расширить рамки анализа и рассмотреть данную стратегическую концепцию Альянса в сопоставлении с другими инициативами, продвигавшимися в тот же период главным «стейкхолдером» НАТО – США, мы обнаружим значительное количество противоречий. В первую очередь, возникает закономерный вопрос: как заложенные в стратегии идеи обеспечения сбалансированного сочетания ядерных и обычных сил, а также развития системы ПРО в Европе совмещаются с выдвинутой президентом Обамой концепцией «глобального ядерного нуля»? В стратегии четко указывалось, что она «выражает решимость НАТО добиваться создания условий, которые позволят освободить мир от ядерного оружия, но вновь подтверждает, что, пока в мире существует ядерное оружие, НАТО будет оставаться ядерным союзом» [Active engagement., 2010]. Отметим, что применение ядерного оружия для сдерживания потенциального нападения на Западную Европу, которое мог бы осуществить СССР с использованием неядерных средств, являлось основой стратегии НАТО на протяжении 60 лет.

Как отмечает политолог Йен Разерфорд, в 2010 г., определяя направление своей ядерной политики, Альянс фактически повторил трюк канадского премьер-министра У.Л. Маккензи Кинга. Для победы на выборах 1940 г. тот пообещал не объявлять призыв на военную службу. Однако вскоре после того, как немецкие войска вступили в Париж, он провел закон о призыве добровольцев на фронт. В 1942 г., когда давление на премьер-министра со стороны военных кругов, настаивавших на отправке новобранцев в Европу усилилось, он организовал государственный референдум с просьбой к народу освободить его от обещания, данного в ходе предвыборной кампании. Тогда же он синтезировал поистине образцовую демагогическую формулу «призыв, если необходимо, но вовсе не обязательно» (см.: [Rutherford, 2011]). И политика НАТО конца первого десятилетия XXI в. стала стратегическим эквивалентом этой формулы: с целью дезориентировать критиков были одновременно озвучены две диаметрально противоположные позиции – призна-

ние значимости ЯО в современных условиях и признание готовности идти по пути к безъядерному миру.

Эффект бумеранга

Одним из очевидных уроков, извлеченных международным сообществом из войны в Персидском заливе (1991), стало понимание подавляющего превосходства США в плане обычных вооружений над другими участниками коалиции против Ирака. Четырехлетний обзор оборонной политики США, опубликованный в феврале 2010 г., подтверждал: «Интересы Америки и ее роль в мире требуют наличия вооруженных сил, обладающих непревзойденными возможностями, и готовности страны использовать их для защиты наших интересов и ради общего блага. США по-прежнему являются единственной страной, способной к переброске сил и ведению крупномасштабных операций на больших расстояниях» [Четырехлетний обзор..., 2010, с. 4]. Такое положение дел косвенно способствовало и способствует возрастанию привлекательности ядерного оружия в представлении потенциальных противников США – страны, претендующей на роль «всемирного полицейского». Как отмечают политологи Давид Коулмэн и Джозеф Сиракуза, «на протяжении длительного периода времени ЯО было множителем силы, способным компенсировать дисбаланс в обычных вооружениях. Как это ни парадоксально, но неоспоримое лидерство Соединенных Штатов в военной мощи и технологиях, во многом обусловленное так называемой революцией в военном деле – разработкой сценариев достижения победы посредством неядерного высокоточного оружия, применения оперативной и стратегической разведки, – может побудить другие страны к обретению ЯО в качестве инструмента воздействия или даже сдерживания американской внешней политики» [Coleman, Siracusa, 2006, p. 108].

Еще в 1993 г. первый министр обороны президента У. Клинтона Лес Эспин предупредил: если в первые годы холодной войны официальный Вашингтон использовал свое ЯО в качестве «великого уравнилителя» для сдерживания потенциального нападения СССР (обладавшего численным превосходством в области обычных вооружений) на Западную Европу, то после распада СССР сами Со-

единенные Штаты оказались в роли государства, которое в итоге будут «уравнивать». Исходя из этого, он сделал следующий вывод: поскольку повернуть время вспять невозможно и «отменить» изобретение ядерного оружия нельзя, США должны приложить максимум усилий, чтобы «снизить роль ядерных вооружений» в мировой политике [Уитни, 2009]. В январе 1994 г. в своем ежегодном докладе президенту и Конгрессу Лес Эспин высказал опасения, что классическое ядерное сдерживание, успешно работавшее во время холодной войны, может оказаться бесполезным при взаимодействии с новыми претендентами на обладание ЯО.

Практическим подтверждением тезиса о том, что США сами могут стать жертвой «уравнивающего» действия ЯО, стали различия в действиях официального Вашингтона по отношению к государствам бушевской «оси зла» – Ираку, КНДР и Ирану. Не обладавший ЯО Ирак пережил иностранное вторжение, оккупацию, гражданскую войну и фактически утратил суверенитет. При этом Северная Корея – де-факто ядерное государство – избежала силовой смены режима и к 2017 г. завершила программу создания национальных ядерных сил сдерживания. Тогда же, прогнозируя развитие ситуации вокруг иранской ядерной программы, бывший специальный советник госсекретаря США по вопросам нераспространения оружия массового уничтожения и контроля за вооружениями Роберт Айнхорн заявил: «ИРИ будет очень внимательно отслеживать реакцию Совета Безопасности ООН на северокорейское ядерное испытание. Если ООН не сможет действовать силовыми методами, тогда Иран решит, что путь открыт и его действия также останутся безнаказанными» (цит. по: [Kessler, Baker, 2006]). Майкл О'Хэнлон, старший научный сотрудник Брукингского института (Вашингтон), один из авторов книги «Жесткая сила: Новая политика национальной безопасности», предупреждал, что за реакцией США на ядерные испытания КНДР будут внимательно наблюдать многие страны: «Иран будет, безусловно, следить за тем, что произойдет с Северной Кореей. Северная Корея также следила за происходившим с Пакистаном и решила, что мир не слишком сильно и не слишком долго наказывал Пакистан». «Иран наверняка

ка заметит, если к Северной Корее отнесутся снисходительно», – подчеркивал эксперт (цит. по: [Kessler, Baker, 2006]).

Однако все вышеперечисленные эксперты забывают или, вернее, предпочитают не акцентировать в своей риторике тот факт, что страны стремятся к обладанию ядерным оружием не ради него самого, но ради укрепления безопасности и обеспечения выживаемости режима. Это в полной мере удастся де-факто ядерным Индии, Пакистану, КНДР и Израилю, в то время как отказавшиеся от развития собственных программ по созданию ОМУ СФРЮ, Ирак, Ливия оказались особенно уязвимы перед давлением извне и утратили свой реальный суверенитет.

Серьезным вызовом международному режиму ядерного нераспространения является корреляция развития атомной энергетики и соответствующего обладания технологиями замкнутого ядерного топливного цикла (ЯТЦ) со стремлением обрести ядерный статус. При сохранении нынешней напряженности в ряде регионов мира, в отсутствие эффективной системы обеспечения глобальной (и региональной) безопасности, при росте недоверия к США и их союзникам адресованные развивающимся странам призывы добровольно отказаться от разработки подобных технологий могут возыметь прямо противоположный эффект [Новиков, 2009, с. 119].

Администрации Дж. Буша-мл. и Б. Обамы, размышляя о необходимости снижения роли ядерных вооружений, полагали маловероятным участие США в крупном военном конфликте с Россией или Китаем [Понамарев, 2010]. Однако сегодня восприятие российской и китайской угрозы меняется. В Стратегии национальной безопасности администрации Д. Трампа 2017 г. утверждается, что «ревизионистские силы в Китае и России, государства-изгои Иран и Северная Корея, а также представляющие угрозу транснациональные организации, в частности джихадистские террористические группировки, ведут активную борьбу против США, наших союзников и партнеров. Эти силы, различные по своей природе и степени влияния, соревнуются с нами в политической, экономической и военной сферах, используют технологии и пропаганду, чтобы усилить противоречия и изменить региональный баланс сил в

свою пользу. Это фундаментальное противоречие между теми, кто предпочитает репрессивные системы, и теми, кто выбирает свободные общества» [National security..., 2017, p. 25].

Сегодня тема «ядерного нуля» полностью снята с повестки дня официального политического истеблишмента США. Это было удобно сделать со сменой администрации. Команда Д. Трампа настроена на расширение роли ЯО в американских военных доктринах. Но концепция «ядерного нуля» не забыта, а лишь временно «отложена в сторону» до того момента, когда в развивающихся циклично российско-американских отношениях вновь сложится конъюнктура, благоприятствующая заключению новых соглашений с низкими лимитами на ядерные боезаряды и носители, причем с учетом ТЯО.

Чем опасны утопии?

Инициатива «ядерного нуля» имеет те же недостатки, что и принятая ООН в 2005 г. концепция «ответственности по защите» (англ. «responsibility to protect», R2 P)¹: предписываемые ею нормы мало соотносятся с реальным поведением государств на международной арене. Отстаивая свои национальные интересы, крупные державы склонны игнорировать тот факт, что подходы, зафиксированные в Итоговом документе Всемирного саммита ООН 2005 г., допускают применение «третьей опоры» (т.е. силового компонента) концепции R2 P исключительно в качестве крайней меры (англ. «last resort») в случае исчерпания всех остальных возможных путей урегулирования конфликта. Отсылка к концепции R2 P использовалась в резолюции Совета Безопасности ООН № 1970 (17 марта

---

¹ Впервые термин «responsibility to protect» был использован в докладе Международной комиссии по вопросам вмешательства и государственного суверенитета, созданной правительством Канады в декабре 2001 г. В докладе указывалось, что суверенитет не только предоставляет государству право «контролировать» свои внутренние дела, но также налагает непосредственную обязанность по защите людей, проживающих в пределах границ этого государства. Предполагалось, что в случае неспособности государства защитить свой народ, ответственность по защите людей возлагается на международное сообщество [The responsibility..., 2001].

2011 г.), санкционировавшей введение бесполетной зоны над Ливией. В резолюции говорилось о необходимости «применения всех необходимых мер для защиты гражданского населения», а в качестве основания для этого назывались «неспособность ливийского правительства соблюдать права человека в соответствии с нормами международного права, а также его действия, которые могут быть расценены как преступления против человечности» [Ceren, 2011]. Однако пренебрежение мирными средствами урегулирования конфликтов приводит к усложнению последних за счет их интернационализации, в результате чего ситуация на международной арене дестабилизируется многократно. Военная операция НАТО в Ливии скомпрометировала идею R2 P. Высказывались опасения, что концепция «ответственности по защите» будет использована для воскрешения одиозной доктрины «гуманитарной интервенции» под другим названием [Геворгян, 2013].

Таким образом, обе концепции – и R2 P, и «ядерный нуль» – «работают» по одному и тому же принципу: они «продаются» как «*milieu goals*» (в терминах одного из ведущих представителей политического реализма Арнольда Уолферса), т.е. как цели, лежащие вне национальных рамок, к достижению которых необходимо стремиться для создания и поддержания благоприятного мирового порядка. Этим они отличаются от «*possession goals*», т.е. от целей, которые ассоциируются в первую очередь с национальными, материальными и стратегическими интересами. Однако реальная внешняя политика государств может преследовать цели, находящиеся в любой точке континуума между «*milieu goals*» и «*possession goals*». Все государства обычно стремятся сохранить или укрепить то, что для них особенно ценно: независимость, территориальную целостность, суверенитет. При этом «*milieu goals*» иногда содействуют реализации «*possession goals*», а иногда используются государствами для «прикрытия» других, более эгоистичных намерений. Во втором случае всегда возникает не слишком приятный побочный эффект: такие инициативы «продуцируют цинизм в обществе, так как нереализуемые цели дискредитируют заложенные в них хорошие намерения» [Rutherford, 2011, p. 478].

Нередко из самых высокоморальных идей вырастают неплохо финансируемые движения, ориентирующиеся в своей деятельности на достижение совершенно иных целей. Так, например, крайне неоднозначным представляется открытый для подписания 20 сентября 2017 г. на площадке ГА ООН Договор о запрещении ядерного оружия (ДЗЯО) [Договор о запрещении.., 2017]. Этот договор поддержали 122 государства (при этом в подготовке документа официально приняли участие 135 государств и неформально еще 14 стран). Основные инициаторы процесса – Австрия, Бразилия, Ирландия, Мексика, Нигерия и ЮАР, активными участниками были также Ватикан и Казахстан. Россия, как и остальные официальные и неофициальные ядерные державы (и ряд их союзников), заранее объявила о том, что не поддерживает это международное соглашение как противоречащее интересам национальной безопасности РФ. В частности, серьезные вопросы вызывает ст. 18 ДЗЯО, позиционирующая этот договор в качестве приоритетного по отношению к другим существующим международным соглашениям. Настораживает отсутствие ясности в отношении «компетентного международного органа», который призван играть ключевую роль в выполнении ДЗЯО. Стремление возложить эти функции на МАГАТЭ равносильно попыткам превращения Международного агентства по атомной энергии в инструмент политического давления или в систему перепроверки разведывательной информации.

Можно с уверенностью предположить, что в среднесрочной перспективе ДЗЯО не будет оказывать никакого влияния на глобальную ядерную повестку [Стефанович, 2017]. Однако, как отметил директор департамента по вопросам нераспространения и контроля над вооружениями МИД РФ (2014–2017) М.И. Ульянов, ДЗЯО «углубляет и цементирует водораздел между ядерными и так называемыми зонтичными (т.е. находящимися под “ядерным зонтиком”) государствами, с одной стороны, и остальными участниками Договора о нераспространении ядерного оружия – с другой. Это может иметь крайне негативные последствия для целостности режима ядерного нераспространения» [Ульянов, 2017].

Проблему несвоевременности проекта «ядерного нуля» очень четко обозначил С.А. Караганов в следующих словах: «Отвергать ядерное оружие, стремиться к его уничтожению морально. Но нужно понимать, что достижение этой цели возможно и желательно, только если изменится человек, изменится человечество» [Караганов, 2010]. До момента окончательной реморализации *Homo Sapiens*, которая, с нашей точки зрения, априори недостижима, следует помнить, что «ядерное оружие было величайшим «цивилизатором» элит: оно вымывало из их рядов радикалов, догматиков и усиливало позиции прагматиков, видевших главную задачу в предотвращении ядерной войны и, следовательно, столкновений, которые имели потенциал эскалации» [там же].

Укрепление режима нераспространения или разоружение: навязанное противопоставление

Продвижение в направлении полного ядерного разоружения возможно только в рамках поэтапного процесса при условии укрепления стратегической стабильности и обеспечения равной безопасности для всех государств без разрушения существующей системы взаимодействия в области ядерного нераспространения. Однако на сегодняшний день международный режим нераспространения ядерного оружия (МРНЯО) испытывает значительные трудности в связи с размыванием рамок ключевых международных договоров в данной области, в первую очередь – Договора о нераспространении ядерного оружия (ДНЯО). Отказ США и ряда других стран ратифицировать Договор о всеобъемлющем запрещении ядерных испытаний (ДВЗЯИ) также несет существенные риски для международного взаимодействия в области контроля и нераспространения ЯО.

Тема полного запрета ядерных испытаний вернулась в международную повестку с завершением холодной войны [Берденников, 1997, с. 24]. Одной из причин этого стала опасность расширения «ядерного клуба» в контексте истечения в 1995 г. первоначального

(25-летнего) срока действия ДНЯО¹. Некоторому снижению напряженности в ситуации с ДВЗЯИ способствовало появление научно обоснованных программ поддержания надежности и безопасности ядерного боезапаса без проведения ядерных испытаний.

Россия (как правопреемница СССР в обладании ядерным арсеналом) последовательно продолжала линию на снижение ядерной угрозы и обращение вспять гонки ядерных вооружений. Советский Союз первым из «ядерной пятерки» ввел мораторий на ядерные испытания (24 октября 1990 г.), и Россия до сих пор выполняет это добровольно взятое на себя обязательство [Рябков, Зербо, 2016]. Очередной односторонний мораторий на проведение ядерных испытаний, объявленный 26 октября 1991 г. распоряжением № 67-рп президента РФ Б.Н. Ельцина, был продлен его указами от 19 ноября 1992 г. № 1267 и от 5 августа 1996 г. № 1008 с формулировкой: «до тех пор, пока такой мораторий, объявленный другими государствами, обладающими ядерным оружием, будет де-юре или де-факто соблюдаться ими». Тем же распоряжением Министерству иностранных дел РФ было предписано «провести консультации с представителями других государств, обладающих ядерным оружием, в целях начала многосторонних переговоров по выработке договора о всеобъемлющем запрещении ядерных испытаний» [Матущенко, 2008, с. 245–246].

Прорыв на переговорах о всеобъемлющем запрещении ядерных испытаний был достигнут на российско-американском саммите в Ванкувере 3–4 апреля 1993 г., когда президент РФ Б.Н. Ельцин предложил президенту США У. Клинтону начать переговоры о подписании ДВЗЯИ. При этом российская сторона настаивала на том, что обсуждение данного вопроса должно вестись в многостороннем формате и в пакете с обсуждением Договора о запрещении производства расщепляющихся материалов в военных целях (ДЗПРМ). 22 августа 1993 г. Белый дом согласился с российскими предложениями.

---

¹ Отдельные государства связывали возможность продления ДНЯО с запретом на ядерные испытания.

10 августа 1993 г. на Конференции по разоружению (КР) в Женеве было принято решение наделить Специальный комитет КР по запрещению ядерных испытаний мандатом на ведение переговоров по ДВЗЯИ. 16 декабря 1993 г. Генеральная Ассамблея ООН приняла две резолюции – № 48/70 и № 48/75 L, – на основе которых был согласован переговорный мандат Специального комитета КР по запрещению ядерных испытаний.

Большое значение для создания благоприятного политического климата для переговоров по ДВЗЯИ имели итоги состоявшейся в Москве 12–15 января 1994 г. российско-американской встречи на высшем уровне, в ходе которой президенты Б. Ельцин и У. Клинтон подтвердили приверженность России и США достижению в сжатые сроки полной готовности к подписанию международного договора о всеобъемлющем запрещении ядерных испытаний. Инициативу проведения переговоров по разработке ДВЗЯИ поддержали и другие ядерные государства; кроме того, она получила одобрение со стороны большинства стран, не обладающих ядерным оружием. Все это позволило уже в январе 1994 г. начать практическую работу по подготовке договора.

25 января Конференция по разоружению на пленарном заседании в Женеве в соответствии с п. 1 повестки дня «Запрещение ядерных испытаний» вновь учредила Специальный комитет по подготовке ДВЗЯИ [Фененко, 2009 б].

Условия ДВЗЯИ обсуждались в Женеве с 1994 по 1996 г. Переговоры проходили в весьма напряженной атмосфере. Основной конфликт развернулся вокруг противоречащих друг другу положений российского и индийского проектов договора. Индия предлагала ввести жесткое наблюдение за полигонами легальных ядерных государств, в то время как Россия настаивала на равном наблюдении за полигонами всех ядерных и неядерных держав. На встрече «Группы семи» в Галифаксе (Канада) 17–18 июня 1995 г. США поддержали российское предложение. В ответ Индия вышла из переговорного процесса, заявив, что ДВЗЯИ поддерживает режим монополии легальных ядерных государств. Свои ядерные испытания 1998 г. Дели мотивировал именно «дискриминационными условиями ДВЗЯИ». Другие особые «конфликтные узлы» сформирова-

рвались во время обсуждения вопросов, связанных с проведением подкритических и гидроядерных испытаний, принципами проведения инспекций, созданием режима временного применения отдельных положений ДВЗЯИ.

Окончательный текст ДВЗЯИ был согласован в Женеве 10 сентября 1996 г.¹ Он был принят на 50-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН 10 сентября 1996 г. и открыт для подписания 24 сентября того же года (51-я сессия ГА ООН).

В 1997 г. была создана Подготовительная комиссия Организации по ДВЗЯИ (ПК ОДВЗЯИ) со штаб-квартирой в Вене. Основными «гарантами» соблюдения договора стали Международная система мониторинга за ядерными взрывами (МСМ) и Временный технический секретариат (ВТС) при Подготовительной комиссии Организации по ДВЗЯИ. Депозитарием договора был объявлен Генеральный секретарь ООН.

Договор был подписан 183 государствами и ратифицирован 163 государствами, однако до сих пор не вступил в силу. Для вступления ДВЗЯИ в силу необходима его ратификация 44 государствами, перечисленными в Приложении 2 к договору, т.е. всеми государствами, имеющими хотя бы один исследовательский атомный реактор и, таким образом, обладающими потенциалом создания ядерного оружия.

В настоящее время договор ратифицировали 36 стран из «списка 44», в том числе три обладающие ядерным оружием: Рос-

---

¹ ДВЗЯИ запрещает производить испытательные взрывы ядерного оружия, а также ядерные взрывы в мирных целях. Запрет распространяется на все сферы (в атмосфере, в космосе, под водой и под землей) и, таким образом, носит абсолютный и всеобъемлющий характер. Договор имеет бессрочный характер. Выход из него предусмотрен только в случае возникновения чрезвычайных обстоятельств, ставящих под угрозу высшие интересы государства-участника, и с уведомлением за шесть месяцев. Составной частью договора является система мер контроля, включающая механизм консультаций и предоставления информации, инспекции на местах и меры на основе доверия. Кроме того, договором предусмотрено создание Международной системы мониторинга из 16 лабораторий и 337 станций для сбора сейсмических, инфразвуковых, радионуклидных и гидроакустических данных. Работа над созданием сети мониторинга началась в 1997 г., в настоящее время она завершена на 87%.

сия (30 июня 2000 г.), Великобритания и Франция. Из оставшихся восьми стран ДВЗЯИ не подписали три: Индия, КНДР и Пакистан. Еще пять стран – США, Китай, Египет, Израиль и Иран – договор подписали, но не ратифицировали. Барак Обама, в 2009 г. ставший обладателем Нобелевской премии мира за выдающиеся усилия в сферах международной дипломатии, сокращения ядерных вооружений и создания нового климата сотрудничества между народами, в своей Пражской речи (2009) провозгласил ратификацию ДВЗЯИ одной из задач «нераспространенческой» повестки своей администрации [Remarks..., 2009], однако прогресса в ее решении не последовало.

Российский МИД, обращая внимание на то, что «в вопросе о присоединении к ДВЗЯИ остающиеся вне договора страны ведут себя с прямой оглядкой на США», утверждает, что именно «застойная» позиция Вашингтона «является главным препятствием на пути превращения ДВЗЯИ в действующий международно-правовой инструмент» [Комментарий МИД..., 2017]. В.В. Путин, цитируя бывшего главу по контролю над вооружением ООН и начальника комиссии по оружию массового уничтожения д-ра Ханса Бликса, отметил в своем заявлении по случаю 20-летия со дня открытия ДВЗЯИ для подписания (11 апреля 2016 г.): «Если бы ДВЗЯИ был ратифицирован правительствами, включая Соединенные Штаты Америки, где ратификация ДВЗЯИ была отклонена Сенатом несколько лет назад, то это бы в корне изменило ситуацию... Реальность, вероятно, такова, что, если США ратифицировали бы ДВЗЯИ, тогда бы и Китай сделал бы то же самое, а если ратифицирует Китай, тогда и Индия поступит аналогично, а примеру Индии последует Пакистан, и за Пакистаном – Иран; это создало бы хороший эффект домино» [Заявление Президента..., 2016]. Таким образом, хотя все страны несут индивидуальную ответственность в отношении ратификации ДВЗЯИ, мало кто будет отрицать, что ратификация этого договора Соединенными Штатами стала бы важным элементом в развитии исторического процесса вступления ДВЗЯИ в полную юридическую силу.

Односторонние моратории на ядерные испытания, которых придерживаются Россия (с 1990 г.), Великобритания (с 1991 г.),

США (с 1992 г.), Франция и КНР (с 1996 г.), Индия и Пакистан (с 1998 г.), не могут заменить юридически обязательного документа. Этим обстоятельством, в частности, воспользовалась КНДР, проведя два ядерных испытания в 2006 и 2009 гг.

В очередном «Обзоре ядерной политики» (NPR-2018), вышедшем в феврале 2018 г., прямо говорится, что Соединенные Штаты не будут стремиться к ратификации ДВЗЯИ, хотя продолжают оказывать поддержку ПК ОДВЗЯИ, Международной системе мониторинга и Международному центру данных [Nuclear posture..., 2018], – но не механизму инспекций на месте [Берденников, Шаврова, 2019].

Отсутствие значимого прогресса в ратификации ДВЗЯИ с очевидностью высвечивает сугубо инструментальный подход американской администрации любого толка – как республиканской, так и демократической – к таким «milieu goals», как инициатива «ядерного нуля».

***

Таким образом, концепция «ядерного нуля» была возрождена в первые годы работы администрации Обамы, чтобы в ходе переговоров о ДСНВ-III добиться более глубоких сокращений ядерных арсеналов и подтолкнуть Москву к включению в сферу охвата этого договора тактического ядерного оружия (ТЯО). Тем самым Вашингтон последовательно реализовывал казавшуюся тогда наиболее выигрышной политику получения военно-политического превосходства за счет обычных вооружений, оружия, действующего на новых принципах, и ПРО в условиях максимально пониженных лимитов на традиционное ЯО сдерживания. В данном контексте неявная поддержка раскручивавшейся в то же самое время доктрины «ядерного нуля» (инициативы «послезавтрашнего дня», как ее называли представители администрации Обамы) работала на создание политической конъюнктуры, необходимой для более глубоких сокращений, – естественно, не до нуля (это, дескать, прекрасная утопия будущего), но насколько только можно.

Сегодня, в период кризиса системы контроля над вооружениями, выстроенной во времена холодной войны, тема «ядерного нуля» почти не используется в международной политической по-

вестке. Эта концепция существует лишь как «зомби-категория» (в терминологии известного немецкого социолога Ульриха Бека) – пустое понятие, все еще продолжающее воздействовать на наше мышление, хотя обозначаемая им социальная реальность канула в Лету.

В настоящее время не приходится рассчитывать на понижение лимитов по ядерным боезарядам и носителям в рамках нового соглашения между РФ и США. Более того, в современных условиях сокращение ядерных вооружений до минимума, произведенное Москвой и Вашингтоном, резко изменило бы соотношение сил на международной арене, придав дополнительный вес малым ядерным странам. Выравнивание ядерных потенциалов последних до уровня великих держав могло бы стать стимулом к многосторонней гонке ядерных вооружений. Одновременно усилился бы дестабилизирующий эффект ПРО.

В этих условиях следует ожидать неминуемого обострения критики со стороны развивающихся стран и ядерных радикалов в отношении России и США по выполнению ст. 6 Договора о нераспространении ядерного оружия (ДНЯО) в рамках предстоящей Обзорной конференции (ОК). К трудностям, с которыми пришлось столкнуться участникам прошлой ОК, – конфронтации между двумя ключевыми ядерными державами (РФ и США), отсутствию прогресса по ближневосточной ЗСОМУ, ратификации ДВЗЯИ, – добавятся новые – возрастание напряженности вокруг иранской ядерной программы и раскол по вопросу о Договоре о запрещении ядерного оружия (ДЗЯО). Ключевыми тезисами радикалов на площадке ОК станут поддержка ДЗЯО и критика подходов ведущих ядерных держав. Тем не менее остается надежда, что как сторонники, так и противники концепции «ядерного нуля», согласившись не соглашаться по поводу долгосрочного будущего, смогут выработать эффективные механизмы содействия укреплению международного режима нераспространения ядерного оружия (МРНЯО) на среднесрочную перспективу.

Литература

Берденников Г.В. Договор о запрещении ядерных испытаний // *Международная жизнь*. – М., 1997. – № 3. – С. 18–24.

Берденников Г., Шаврова А. Договор о всеобъемлющем запрещении ядерных испытаний: Очередная жертва ядерной политики США? // *Россия в глобальной политике*. – М., 2019. – 06.07. – Режим доступа: <https://globalaffairs.ru/global-processes/Dogovor-o-vseobemlyuschem-zapreschenii-yadernykh-ispytanii-ocherednaya-zhertva-yadernoi-politiki-SSh> (Дата обращения – 17.02.2020).

Георгян К. К читателю «Международной жизни»: Концепция «ответственность по защите» // *Международная жизнь*. – М., 2013. – № 8. – Режим доступа: <https://interaffairs.ru/jauthor/material/920> (Дата обращения – 17.02.2020).

Договор о запрещении ядерного оружия / ООН. Генеральная Ассамблея. – Нью-Йорк, 2017. – 10.07. – Режим доступа: <https://undocs.org/ru/A/CONF.229/2017/8> (Дата обращения – 17.02.2020).

Договор о нераспространении ядерного оружия / ООН. Генеральная Ассамблея. – Нью-Йорк, 1968. – 12.06. – Режим доступа: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/npt.shtml (Дата обращения – 17.02.2020).

Заявление Президента России по случаю двадцатилетия открытия для подписания Договора о всеобъемлющем запрещении ядерных испытаний // *Президент России*. – М., 2016. – 11.04. – Режим доступа: <http://kremlin.ru/events/president/letters/51695> (Дата обращения – 17.02.2020).

Караганов С.А. «Глобальный ноль» и здравый смысл // *Россия в глобальной политике*. – М., 2010. – 01.07. – Режим доступа: <https://globalaffairs.ru/number/Globalnyi-nol-i-zdravyi-smysl-14881> (Дата обращения – 17.02.2020).

Карякин В. Новая ядерная доктрина США и безопасность России // *НВО*. – М., 2010. – 05.12. – Режим доступа: <http://nuclearno.ru/?id=14878> (Дата обращения – 17.02.2020).

Комментарий МИД Российской Федерации в связи с опубликованием очередного доклада Государственного департамента США о соблюдении государствами соглашений в области контроля над вооружениями и нераспространения / МИД РФ. – М., 2017. – 29.04. – Режим доступа: http://www.mid.ru/web/guest/kommentarii_predstavatelya/-/asset_publisher/MCZ7HQuMdqBY/content/id/2740264 (Дата обращения – 17.02.2020).

Матущенко А.М. Ядерные испытания СССР // *Опаленные в борьбе при создании ядерного щита Родины: Научно-публицистическая моно-*

графия / авт.-сост. Дьяченко А.А.; под общ. ред. Михайлова В.Н. – М.: Полиграф-Сервис, 2008. – С. 239–269.

Нарышкина О.М. Тернистый путь к «глобальному нулю» // Вест. Моск. ун-та. Сер. 25: Международные отношения и мировая политика. – М., 2017. – № 3. – С. 69–70.

Новиков В.Е. Основные угрозы международному режиму нераспространения ядерного оружия // Проблемы национальной стратегии. – М., 2009. – № 1. – С. 110–119.

Понамарев С.В. Взаимосвязь состояния режима нераспространения ядерного оружия и развития китайско-американских отношений: дис. ... канд. полит. наук / РАН. ИДВ. – М., 2010. – 183 с.

Рябков С., Зербо Л. Договор о запрещении ядерных испытаний не должен становиться заложником ни одной из стран // Коммерсантъ. – М., 2016. – 17.04. – Режим доступа: <http://kommersant.ru/doc/2966737> (Дата обращения – 17.02.2020).

Сараджян С. Почему ядерное разоружение может быть выгодно России? // Россия в глобальной политике. – М., 2010. – Т. 8, № 3. – С. 96–107.

Спецкомиссия рекомендует США вновь стать лидером нераспространения ядерного оружия // Голос Америки. – Вашингтон, 2009. – 07.05. – Режим доступа: <https://www.golos-ameriki.ru/a/a-33-2009-05-07-voa6/641233.html> (Дата обращения – 17.02.2020).

Стефанович Д. Запрет ядерного оружия и международная безопасность / РСМД. – М., 2017. – 19.09. – Режим доступа: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/zapret-yadernogo-oruzhiya-i-mezhduna-rodnaya-bezopasnost/> (Дата обращения – 17.02.2020).

Таубман Ф. Солдаты холодной войны. – М., 2016. – Режим доступа: <https://www.rulit.me/books/soldaty-holodnoj-voyny-read-423845-9.html> (Дата обращения – 17.02.2020).

Уитни Н. США, Россия и отказ от применения ядерного оружия первыми // ИноСМИ. – М., 2009. – 19.04. – Режим доступа: <https://inosmi.ru/usa/20100419/159417937.html> (Дата обращения – 17.02.2020).

Ульянов М. Себе в ущерб разоружаться никто не будет // Коммерсантъ. – М., 2017. – 13.09. – Режим доступа: <https://www.kommersant.ru/doc/3408885> (Дата обращения – 17.02.2020).

Фененко А.В. Парадоксы «Глобального нуля» // РСМД. – М., 2012. – 08.11. – Режим доступа: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/paradoksy-globalnogo-nulya/> (Дата обращения – 17.02.2020).

Фененко А.В. Проблема ядерного разоружения в мировой политике // Вест. Моск. ун-та. Сер. 25: Международные отношения и мировая политика. – М., 2009 а. – № 1. – С. 63–86.

Фененко А.В. Современные военно-политические концепции США // Международные процессы. – М., 2015. – Т. 13, № 1 (40). – Режим доступа: <http://intertrends.ru/old/nineteenth/007.htm> (Дата обращения – 17.02.2020).

Фененко А.В. Ядерные испытания в системе стратегической стабильности // Международная жизнь. – М., 2009 б. – № 12. – С. 69–91.

Четырехлетний обзор оборонной политики: Резюме / Министерство обороны США. – Вашингтон, 2010. – 20 с. – Режим доступа: http://eurasian-defence.ru/sites/default/files/doc/formatted_exec_summ_russian_.pdf (Дата обращения – 17.02.2020).

Active engagement, modern defence: Strategic concept for the defence and security of the members of the North Atlantic Treaty Organisation adopted by heads of state and government in Lisbon. – Lisbon, 2010. – 19.11. – Mode of access: https://www.nato.int/cps/cz/natohq/official_texts_68580.htm (Date of access – 17.02.2020).

Ceren O. «Responsibility to protect», not remotely new // Commentary. – N.Y., 2011. – 20.03. – Mode of access: <https://www.commentarymagazine.com/american-society/military/responsibility-to-protect-not-remotely-new/> (Date of access – 17.02.2020).

Coleman D., Siracusa J.M. Real-world nuclear deterrence: The making of international strategy. – Westport, CA: Praeger, 2006. – 184 p.

Kessler G., Baker P. Bush's «axis of evil» comes back to haunt the United States // Washington Post. – Wash., D.C., 2006. – 10.10. – Mode of access: <https://www.washingtonpost.com/wp-dyn/content/article/2006/10/09/AR2006100901130.html> (Date of access – 17.02.2020).

National security strategy of the United States of America / White House. – Wash., D.C., 2017. – 68 p. – Mode of access: <https://www.whitehouse.gov/wp-content/uploads/2017/12/NSS-Final-12-18-2017-0905.pdf> (Date of access – 17.02.2020).

Nuclear posture review report / Department of defence. – Wash., D.C., 2010. – 72 p. – Mode of access: https://dod.defense.gov/Portals/1/features/defenseReviews/NPR/2010_Nuclear_Posture_Review_Report.pdf (Date of access – 17.02.2020).

Nuclear posture review / Department of defence. – Wash., D.C., 2018. – 100 p. – Mode of access: <https://media.defense.gov/2018/Feb/02/2001872886/-1/-1/1/2018-NUCLEAR-POSTURE-REVIEW-FINAL-REPORT.pdf> (Date of access – 17.02.2020).

Remarks by President Barak Obama in Prague as delivered / White House. – Wash., D.C., 2009. – 05.04. – Mode of access: <https://www.documentcloud.org/documents/3119179-2009-Obama-Prague-Speech.html> (Date of access – 17.02.2020).

Rutherford I.P. NATO's new strategic concept, nuclear weapons, and Global Zero // International j. – Toronto, 2011. – Vol. 66, Issue 2. – P. 463–482.

The responsibility to protect: Report of the International commission on intervention and state sovereignty / International development research centre. – Ottawa, 2001. – 108 p. – Mode of access: <http://www.responsibilitytoprotect.org/ICISS%20Report.pdf> (Date of access – 17.02.2020).

World free of nuclear weapons / Shultz G.P., Perry W.J., Kissinger H.A., Nunn S.A. // Wall Street j. – N.Y., 2007. – 04.01. – Mode of access: <https://www.wsj.com/articles/SB116787515251566636> (Date of access – 17.02.2020).

DOI: 10.31249/ape/2020.03.03

Ponamareva A.M.¹, 2020 «Nuclear zero» concept as a «zombie-category» of world politics

***Abstract.** The paper focuses on the political motives for the US President B. Obama's initiative aimed at a global legal ban on nuclear weapons with specific provisions for the elimination of existing arsenals, and analyses prospects for the return of the theme of «nuclear zero» to the international agenda. The article examines preconditions for emergence of this idea, its development during the Cold War, and re-emergence in the 2000 s. The author argues that, while promoting the theme of «nuclear zero», the US administration sought to achieve deeper reductions in the negotiations on the START-III, and to push Moscow to include tactical nuclear weapon (TNW) in the scope of the Treaty. Based on an analysis of NPR-2010 and NATO's strategic concept of «Active Engagement, Modern Defense» it is proved that by initiating a discussion on moving towards a nuclear-free world, the United States sought to consolidate its overwhelming military superiority in the field of high-precision conventional weapons and devalue the nuclear capabilities of other nuclear weapons through radical nuclear disarmament and the construction of a global US mis-*

---

¹ **Ponamareva Anastasia Mikhailovna** – Ph.D. in Sociology, Senior Researcher, INION RAN (amp1982@mail.ru).

sile defense system. However, today, during the period of aggravation of relations between Russia and the United States and the collapse of the arms control system of the Cold War era, the theme of «nuclear zero» has become a kind of «zombie category» of world politics – an empty concept that still continues to influence our thinking, although it is not adequate (anymore) to capture social reality.

Keywords: international nuclear non-proliferation regime, «nuclear zero», arms control, NPT, CTBT, TPNW, B. Obama.

References

Active engagement, modern defence: Strategic concept for the defence and security of the members of the North Atlantic Treaty Organisation adopted by heads of state and government in Lisbon. (2010). – Lisbon. – 19.11. – Mode of access: https://www.nato.int/cps/cz/natohq/official_texts_68580.htm (Date of access – 17.02.2020).

Berdennikov G. (1997). Nuclear tests ban treaty [*Dogovor o zapreshchenii yadernykh ispytaniy*] // *Mezhdunarodnaya zhizn'*. – Moscow. – N 3. – P. 18–24.

Berdennikov G., Shavrova A. (2019). Comprehensive nuclear test ban treaty: Another victim of US nuclear policy? [*Dogovor o vseob'mlyushchem zapreshchenii yadernykh ispytaniy: Ocherednaya zhertva yadernoi politiki SShA?*] // *Rossiya v global'noi politike*. – Moscow. – 06.07. – Mode of access: <https://globalaffairs.ru/global-processes/Dogovor-o-vseobemlyuschem-zapreshchenii-yadernykh-ispytaniy-ocherednaya-zhertva-yadernoi-politiki-SSh> (Date of access – 17.02.2020).

Ceren O. (2011). «Responsibility to protect», not remotely new // *Commentary*. – New York. – 20.03. – Mode of access: <https://www.commentarymagazine.com/american-society/military/responsibility-to-protect-not-remotely-new/> (Date of access – 17.02.2020).

Coleman D., Siracusa J.M. (2006). *Real-world nuclear deterrence: The making of international strategy*. – Westport, CA: Praeger. – 184 p.

Fenenko A.V. (2009 a). The problem of nuclear disarmament in world politics [*Problema yadernogo razoruzheniya v mirovoi politike*] // *Bulletin of Moscow Univ. Series 25. International relations and world politics*. – N 1. – P. 63–86.

Fenenko A.V. (2009 b). Nuclear tests in the strategic stability system [*Yadernye ispytaniya v sisteme strategicheskoi stabil'nosti*] // *Mezhdunarodnaya zhizn'*. – Moscow. – N 12. – P. 69–91.

Fenenko A.V. (2012). The paradoxes of Global Zero [*Paradoksy «Global'nogo nulya»*] // *RSMD*. – Moscow. – 08.11. – Mode of access: <https://rus>

siancouncil.ru/analytcs-and-comments/analytcs/paradoksy-globalnogo-nulya/ (Date of access – 17.02.2020).

Fenenko A.V. (2015). Modern US military-political concepts [*Sovremennyye voenno-politicheskie kontseptsii SShA*] // *Mezhdunarodnye protsessy*. – Vol. 13, Issue 1 (40). – Mode of access: <http://intertrends.ru/old/nineteenth/007.htm> (Date of access – 17.02.2020).

Gevorgyan K. (2013). To the reader of «Mezhdunarodnaya zhizn'»: The concept of «responsibility to protect» [*K chitatelyu «Mezhdunarodnoi zhizni»: Kontseptsiya «otvetstvennost' po zashchite»*] // *Mezhdunarodnaya zhizn'*. – Moscow. – N 8. – Mode of access: <https://interaffairs.ru/jauthor/material/920> (Date of access – 17.02.2020).

Karaganov S.A. (2010). Global Zero and common sense [*«Global'nyi nol'» i zdravyyi smysl*] // *Rossiya v global'noi politike*. – Moscow. – 01.07. – Mode of access: <https://globalaffairs.ru/number/Globalnyi-nol-i-zdravyyi-smysl-14881> (Date of access – 17.02.2020).

Karyakin V. (2010). New US nuclear doctrine and Russia's security [*Novaya yadernaya doktrina SShA i bezopasnost' Rossii*] // *NVO*. – Moscow. – 05.12. – Mode of access: <http://nuclearno.ru/?id=14878> (Date of access – 17.02.2020).

Kessler G., Baker P. (2006). Bush's «axis of evil» comes back to haunt the United States // *Washington Post*. – Washington, D.C. – 10.10. – Mode of access: <https://www.washingtonpost.com/wp-dyn/content/article/2006/10/09/AR2006100901130.html> (Date of access – 17.02.2020).

Matushchenko A.M. (2008). Nuclear tests of the USSR [*Yadernye ispytaniya SSSR*] // Scorched in the struggle to create a nuclear shield of the motherland [*Opalennyye v bor'be pri sozdanii yadernogo shchita rodiny*] / D'yachenko A.A. (compiler); Mikhailov V.N. (editor). – Moscow: Poligraf-Servis. – P. 239–269.

Naryshkina O.M. (2017). The thorny path to Global Zero [*Ternisty put' k «global'nomu nulyu»*] // *Bulletin of Moscow Univ. Series 25. International relations and world politics*. – N 3. – P. 69–70.

National security strategy of the United States of America. (2017) / White House. – Washington, D.C. – 68 p. – Mode of access: <https://www.whitehouse.gov/wp-content/uploads/2017/12/NSS-Final-12-18-2017-0905.pdf> (Date of access – 17.02.2020).

Novikov V.E. (2009). The main threats to the international nuclear non-proliferation regime [*Osnovnyye ugrozy mezhdunarodnomu rezhimu nerasprostraneniya yadernogo oruzhiya*] // *Problemy natsional'noi strategii*. – Moscow. – N 1. – P. 110–119.

Nuclear posture review report. (2010) / Department of defence. – Washington, D.C. – 72 p. – Mode of access: <https://dod.defense.gov/Portals/1/featu>

res/defenseReviews/NPR/2010_Nuclear_Posture_Review_Report.pdf (Date of access - 17.02.2020).

Nuclear posture review. (2018) / Department of defence. - Washington, D.C. - 100 p. - Mode of access: <https://media.defense.gov/2018/Feb/02/2001872886/-1/-1/1/2018-NUCLEAR-POSTURE-REVIEW-FINAL-REPORT.pdf> (Date of access - 17.02.2020).

Ponamarev S.V. (2010). The relationship between the state of the nuclear non-proliferation regime and the development of Sino-US relations: Ph.D. thesis [*Vzaimosvyaz' sostoyaniya rezhima nerasprostraneniya yadernogo oruzhiya i razvitiya kitaisko-amerikanskikh otnoshenii: Diss.... kand. polit. nauk*] / RAS. IFES. - Moscow. - 183 p.

Remarks by President Barak Obama in Prague as delivered. (2009) / White House. - Washington, D.C. - 05.04. - Mode of access: <https://www.documentcloud.org/documents/3119179-2009-Obama-Prague-Speech.html> (Date of access - 17.02.2020).

Russian Foreign Ministry commentary regarding the publication of a regular report by the US Department of state on state compliance with arms control and non-proliferation agreements [*Kommentarii MID Rossiiskoi Federatsii v svyazi s opublikovaniem ocherednogo doklada Gosudarstvennogo departamenta SShA o soblyudenii gosudarstvami soglashenii v oblasti kontrolya nad vooruzheniyami i nerasprostraneniya*]. (2017) / Russian Foreign Ministry. - Moscow. - 29.04. - Mode of access: http://www.mid.ru/web/guest/kommentarii_predstavite_lya/-/asset_publisher/MCZ7HQUMdqBY/content/id/2740264 (Date of access - 17.02.2020).

Rutherford I.P (2011). NATO's new strategic concept, nuclear weapons, and Global Zero // International journal. - Toronto. - Vol. 66, Issue 2. - P. 463-482.

Ryabkov S., Zerbo L. (2016). Nuclear test ban treaty should not become hostage to any country [*Dogovor o zapreshchenii yadernykh ispytanii ne dolzhen stanovit'sya zalozhnikom ni odnoi iz stran*] // Kommersant. - Moscow. - 17.04. - Mode of access: <http://kommersant.ru/doc/2966737> (Date of access - 17.02.2020).

Saradzhanyan S. (2010). Why can nuclear disarmament be beneficial to Russia? [*Pochemu yadernoe razoruzhenie mozhet byt' vygodno Rossii?*] // Rossiya v global'noi politike. - Moscow. - Vol. 8, Issue 3. - P. 96-107.

Statement by President of Russia on the occasion of the 20 th anniversary of the opening for the signing of the Comprehensive test ban treaty [*Zayavenenie Prezidenta Rossii po sluchayu doadtsatiletiya otkrytiya dlya podpisaniya Dogovora o vseob'mlyushchem zapreshchenii yadernykh ispytanii*]. (2016) // President of Russia. - Moscow. - 11.04. - Mode of access: <http://kremlin.ru/events/president/letters/51695> (Date of access - 17.02.2020).

Stefanovich D. (2017). The ban on nuclear weapons and international security [*Zapret yadernogo oruzhiya i mezhdunarodnaya bezopasnost'*] / RSMD. – Moscow. – 19.09. – Mode of access: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/zapret-yadernogo-oruzhiya-i-mezhdunarodnaya-bezopasnost/> (Date of access – 17.02.2020).

Taubman F. (2016). Cold War soldiers [*Soldaty kholodnoi voiny*]. – Moscow. – Mode of access: <https://www.rulit.me/books/soldaty-holodnoj-voiny-read-423845-9.html> (Date of access – 17.02.2020).

The responsibility to protect: Report of the International commission on intervention and state sovereignty. (2001) / International development research centre. – Ottawa. – 108 p. – Mode of access: <http://www.responsibilitytoprotect.org/ICISS%20Report.pdf> (Date of access – 17.02.2020).

The special commission recommends that the United States again become a leader in the non-proliferation of nuclear weapons [*Spetskomissiya rekomenduet SShA vnov' stat' liderom nerasprostraneniya yadernogo oruzhiya*]. (2009) // Voice of America. – Washington, D.C. – 07.05. – Mode of access: <https://www.golos-ameriki.ru/a/a-33-2009-05-07-voa6/641233.html> (Date of access – 17.02.2020).

Treaty on the non-proliferation of nuclear weapons [*Dogovor o nerasprostranении yadernogo oruzhiya*]. (1968) / UN. General Assembly. – New York. – 12.06. – Mode of access: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/npt.shtml (Date of access – 17.02.2020).

Treaty on the prohibition of nuclear weapons [*Dogovor o zapreshchenii yadernogo oruzhiya*]. (2017) / UN. General Assembly. – New York. – 10.07. – Mode of access: <https://undocs.org/ru/A/CONF.229/2017/8> (Date of access – 17.02.2020).

Ul'yanov M. (2017). No one will disarm at their own expense [*Sebe v ushcherb razoruzhat'sya nikto ne budet*] // Kommersant. – Moscow. – 13.09. – Mode of access: <https://www.kommersant.ru/doc/3408885> (Date of access – 17.02.2020).

US quadrennial defense review: Report [*Chetyrekhletnii obzor oboronnoi politiki: Rezyume*]. (2010) / Department of defense. – Washington, D.C. – 20 p. – Mode of access: http://eurasian-defence.ru/sites/default/files/doc/format_ted_exec_summ_russian_.pdf (Date of access – 17.02.2020).

Witney N. (2009). USA, Russia and the first to abandon nuclear weapons [*SShA, Rossiya i otkaz ot primeneniya yadernogo oruzhiya pervymi*] // InoSMI. – Moscow. – 19.04. – Mode of access: <https://inosmi.ru/usa/20100419/159417937.html> (Date of access – 17.02.2020).

***Концепция «ядерного нуля» как
«зомби-категория» мировой политики***

World free of nuclear weapons. (2007) / Shultz G.P., Perry W.J., Kissinger H.A., Nunn S.A. // Wall Street Journal. – New York. – 04.01. – Mode of access: <https://www.wsj.com/articles/SB116787515251566636> (Date of access – 17.02.2020).